

*Людмила
Уланова*

* * *

Воздух вдруг опять пропах яблочным вареньем,
Кто-то варит, разомлев в кухне от тепла.
Не смирится год никак со своим стареньем,
Корчит лето из себя – фрукты, все дела.

Подползёт он к ноябрю тихий и убогий,
Все бывлые сорняки в памяти храня,
Тут бы надо провести пару аналогий –
Мы, мол, тоже, то да сё... Нет уж. Без меня.

* * *

Аэропорты по краям Москвы
И робкие прогулки по Европе,
Прозрачный ломтик яблока в сиропе,
А может, может, даже и айвы.

И полные презренья лики лам,
Сонливость льва, ужимки мармозетки,
И пена пенки, стынувшей в розетке,
И сливы тёмный мячик – пополам.

И страшно перегруженный витраж,
И гулкий купол, и король под полом.
И запахом малины воздух полон.
Варись, варись, противопожарный страж.

Уже клубника впаяна в стекло,
Уже разъяты бусы трёх смородин.
Июнь был вял, соплив и беспороден,
Июль с начинкой лето запекло.

С мешком маячит август во дворе –
Ни замков, ни морей, одни лишь груши.
А в уши музыкальные беруши
Поют мне про варенье, про варе...

* * *

А было ли лето? А не было лета.
Ни в дальней долине. Ни в ближнем дворе.
А чем утешаться теперь в феврале-то?
И чем – в январе?

Зима, постепенно мутируя в осень,
Домашет зелёной и жёлтой листвой,
И скоро устанет и грянется оземь,
И станет собой.

Зима круглый год – просто в разном обличье.
А тех, кто доверчив, прожорлив и слаб,
Обманут плоды мангустинов и личи.
И жаботикаб.

* * *

На капустном листе я стихи напишу,
Он не хуже бумажного кажется мне.
Посвящу эти строки тому малышу,
Что стремительно рос и вырослел в кочане.

Он тянул из листка потихонечку сок,
Он капустным листком прикрывался в жару.
И учил его жизни капустный листок,
Умывал поутру, согревал на ветру.

И малыш постепенно в капусте поспел,
Лист, как в люльке, его над землёю вознёс,
Как положено, песню рожденья пропел,
И счастливицы капустных не видели слёз.

На листке чёрный маркер оставит слова
О капустной тоске пустоты и о том,
Что капустною стала моя голова –
Это ж надо, общаться с капустным листом...

Я его не тушу и не режу в лапшу,
Пеленать не спешу голубцы, как детей.
И в полезный салат я его не крошу,
Пусть завянет капустною смертью своей.

* * *

Я время в холодильник положила,
Поскольку истекал храненья срок.
Оно лежит, а рядом сыр, сырок,
И колбаса с орнаментом из жира,
И творог, он же, в сущности, творог.

Оно лежит, а рядом с ним картошка
В уютной до поры сковороде.
Лежит, а где-то – даже знаю где –
К нему бессильно тянется ладошка.
К нему, к нему, а вовсе не к еде.

На полку отправляя молоко, я
В растерянности двигаю салат
И думаю: не тот, не тот расклад.
На время я смотрю – и нет покоя:
Не хладен, а прохладен этот хлад.

Эй, время, вылезай! Да что ж в руке ты
Трясёшься, как безумное желе?
Нет, стрелка до сих пор не на нуле.
Я в морозилке двигаю пакеты.
Марш к курице! К фасоли! К крем-брюле!

* * *

Деревья мусорят исправно
В угоду зверю октябрю.
Вокруг уже не разнотравно,
Не ботанически роскошно,
Весьма изысканно, но тошно.
Но тошноту я поборю

И с левитановским задором,
Без красок, правда, и кистей
Пойду по жёлтым коридорам,
Спасибо, что пока не белым,
Пугая видом отупелым
Птиц, самокаты и детей.

И что я шляюсь тут, как дура,
Пиная хрусткий жёлтый сор?
Где осень, там литература.
Пошла бы тыкать в книжку пальчик!
Да хоть не в книгу, хоть в журнальчик
Вперяла бы свой вздорный взор,

Но я брожу. Брожу, как брага,
Хожу, как ходики, с утра.
Не жди, читатель, рифму Прага,
Сеул, Мадрид или Сиена.
Но бросило болеть колено.
Жизнь, то есть, удалась. Ура!

* * *

Я встаю по звонку, я ложусь по зевку,
Я пою только дырочкой в левом боку,
Чтоб одежда гасила всю песню мою,
Потому что я очень фальшиво пою.

Я грущу по утрам, я хожу по мирам,
Полным скучных реприз, уморительных драм.
Самый тихий и пресный себе я беру,
Потому что мне страшно ввязаться в игру.

Я терзаю строку, а иначе – ку-ку! –
Зарастёт моя дырочка в левом боку,
Потому что сомкнуться старается плоть.
И придётся мне дырочку снова колоть.

* * *

Сидит сутулый Самсебепротивен –
Нестроен, ненастроен, неспортивен,
Хил, остроумен, хвор. Свою хандру
Сгружать в стихи привык он поутру.

О нет, не встав с рассветными лучами.
Не спится, няни. Он сидит ночами,
Пьёт чай, ворчит на чёртов позвончик.
Его забавит слово «полуночник».
Тогда уж он рассветник иль восходник.
Он бывший модник. Бывший греховодник,
А также бывший друг, товарищ, брат.
И бывший волк. И бывший виноград,
К которому, скуля, тянулись лисы.
Он бывший проникатель за кулисы.
Теперь – вникатель в смыслы. Но вникать
Зачем в них? Чтобы в рифмы облекать?

Рассвет сокрыт. Монументальна штора.
Мир сужен до квадрата монитора.
И Самсебепротивен знает точно,
Что тишь шумна, а прочное непрочно,
Что день – один, он просто многократен.
Всё знает бывший Самсебеприятен.

* * *

Лишайник рыже-ржавый на ветвях,
И ворон, плотно сотканный из мрака,
И мох, и нежный дождевой червяк,
И блеск коры черемухи Маака,

Рогоз, произведённый в камыши,
И шмель, на шубу с крыльями похожий,
Поганка цвета гречневой лапши
И певчий дрозд с ужасно глупой рожей,

Тысячелистник, тысячи свои
Накрывший бело-розовым зефиром,
Чертополох, лопух и воробьи
Хоть как-то примиряют с этим миром.

